

УДК 101:7.01

ПРИНЦИП УДОВОЛЬСТВИЯ КАК ОСНОВА СИСТЕМАТИЧЕСКОЙ ЦЕЛОСТНОСТИ ФИЛОСОФИИ

Е.А. Найман

Томский государственный университет
E-mail: enyman@mail.ru

На примере философии Аристотеля, Декарта и Канта исследуется принцип удовольствия в качестве главного стимула человеческого познания и основы систематической целостности философии. Принцип удовольствия рассматривается как определяющий принцип мыслительных рефлексивных процедур, обеспечивающий возможность осуществления подлинного критического философского проекта.

Место удовольствия в метафизике определялось в аспекте глубинной структуры отношения разума к самому себе. Уже Эмпедокл описывал первоначальное состояние Сфайроса как "блаженное оценивание". А Аристотель выдвинул принцип удовольствия как основополагающий принцип метафизики. У греческого мыслителя Ум-Перводвигатель испытывал единственное чувство, которое носило эстетический характер. Причем это чувство Перводвигатель испытывал мысля самого себя, то есть за счет внутреннего отношения к самому себе, а не при помощи каких-либо внешних обстоятельств. Состояние интеллектуального блаженства определяется тождеством мыслящего и мыслимого. Вряд ли можно говорить о том, что Аристотель сознательно эстетизировал основное настроение Перводвигателя. Нельзя забывать о том, что эстетическая проблематика в период Античности была сосредоточена вокруг проблем философии искусства. Тем не менее, эта нарциссическая трактовка мышления оказывается ключевой для всякой догматической метафизической системы. Самоудовлетворение разума в метафизическом *Schwarmerei* мы можем встретить и у Спинозы, и у Шеллинга, и у Гегеля.

Натурфилософский и космологический смысл удовольствия в системе греческой мысли должен был найти определенное согласование с субъективистским поворотом в новоевропейской философии, которая порождает эстетику, как науку о чувственности. И именно, в отношении данного периода развития мышления и культуры проблема эстетизации философского знания должна быть поднята в наиболее адекватной форме.

Поставленный в центр метафизической системы, субъект испытывает чувство удовольствия от собственной способности определять меру истинности и ложности вещей. Главной познавательной способностью человека является разум, а удовольствие оказывается чувством, которое сопровождает его успешные методические операции. Эта позиция очень точно выражена у Р. Декарта: "С тех пор как я стал пользоваться этим методом, я испытал много раз чрезвычайное наслаждение, приятнее и чище которого вряд ли можно получить в этой жизни. Открывая каждый день при помощи моего метода некоторые, на мой взгляд, достаточно важные истины, я переполнялся таким чувством удовлетворения, что все остальное для меня как бы не существо-

вало" [2. С. 91]. Незаинтересованный характер удовольствия, сопровождающий ключевые события философствования Декарта, не вызывает сомнений.

С момента своего рождения эстетика имеет дело с чувственным познанием. Центральной для этой философской дисциплины становится проблема *cognitio inferior*, внедискурсивного, субъективного, непонятного познания. Основания эстетического знания, связанного с чувством удовольствия, всегда были крайне затемнены. Эстетика в работах последователей Лейбница была компромиссной категорией, за счет которой философия могла как поддерживать неоспоримую силу принципов разума, так и признавать обоснованный характер чувственных способностей человека [*aisthethai*]. На своем метафизическом уровне в своей систематической функции эстетика была обязана примирять и находить согласование разума и чувственности. В работах английской философии вкуса эстетика разрабатывалась в поле эмпирического эстетизма, связанного с чувством удовольствия и неудовольствия.

Только Канту удалось совместить оба подхода: объективный и субъективный. Кант сделал удивительную вещь: он вернул "эстетическое" к своему изначальному метафизическому местоположению, полностью сохранив и утвердив его в регистре субъективной оценки, основанной на удовольствии и неудовольствии. Многие последователи Канта не сделали продуктивных выводов из его процедуры, посчитав, что немецкий мыслитель запер эстетическое в границах субъективной капризности вкуса. Кантовскую эстетику обвиняли в том, что его субъективное незаинтересованное удовольствие не связано с историческим миром, оторвано от содержания истины. Реакции Гегеля и Хайдеггера были в этом отношении весьма схожи.

Канту в полной мере удалось разместить принцип наслаждения в сердцевине его философской системы так, что ее вполне можно назвать величайшей философской "системой удовольствия". Позиция принципа удовольствия у Канта действительно носит систематический характер и имеет основополагающее значение для организации всего ансамбля философского знания.

Ведь совсем не просто обсуждение Кантом системы его философии, системных характеристик всего человеческого опыта и окончательной организации знания происходит именно в эстетическом

трактате – первых параграфах "Критики способности суждения". Именно здесь должно произойти великое единение теоретической философии, устанавливающей свои объекты при отсутствии цели, и практической философии, утверждающей цели, необусловленные никакими объектами. Именно в эстетическом трактате ищется систематический узел, способный соединить опыт с его целесообразностью. Критика только подготавливает условия для такой системы, освобождая и определяя границы двух основных понятий – "природы" и "свободы". "Цель" – это то, что позволяет их связать, не выходя за пределы их взаимного ограничения. Решение этой задачи должно гарантировать для самой философии, как системы рационального познания, ясную и определенную цель. Условие систематичности и единства чистого разума оказывается невыполнимо без эстетических предпосылок.

Связь внутри системы познавательных способностей должна обеспечиваться третьей познавательной силой (наряду с теоретической и практической). Введение третьей силы должно обеспечивать как изначальную возможность связи двух других познавательных сил, так и поддержку их взаимного ограничения. Способность суждения должна быть ответственна за представление об опыте, как системе эмпирических законов, обеспечивающей необходимую целостность природы. Под "необходимостью целого", в этом случае, понимается целесообразность связи природы и свободы.

В основе философии Кант ставит три вида познавательных сил, которые описывают пределы трех уровней: уровня познания объектов (понимание), свободы (разум, желание) и целей (способности рефлексивного суждения, чувство удовольствия и неудовольствия). Таким образом, философское познание распадается на три уровня проблем: проблема теоретического познания объекта (где засвидетельствовано ограничение опытом), проблема практического познания воли (которая именно через познание постигает свою свободу) и проблема некоего третьего типа (эстетического познания, условно говоря), связанного с чувством удовольствия и неудовольствия. Кант только две познавательные способности называет "способностями", третий тип отношений получает название "чувства".

Это тройное разделение, которое представлено в "Первом введении", фактически, трактуется Кантом как разделение на две части. С одной стороны, – представления, относимые только к объекту и единству сознания. С другой стороны, – представления, относимые только к субъекту, то есть чувство удовольствия и неудовольствия. Здесь представления не принадлежат мне только из-за того, что являются представлениями объекта и действительны только для данного объекта (природы или свободы). Действительность представлений определена тем, что они только мои и ничьи более. Чувство удовольствия – это способ поддержки представления ради него самого без какого-либо отнесения его к объек-

ту (познания либо действия), либо к субъекту (познания либо действия).

Третья познавательная способность, выделенная Кантом, по сути, не является "познавательной". Чувство удовольствия и неудовольствия не дает никакого познания. За счет этой способности, безусловно происходит какое-то комбинирование представлений, но оно не является законодательствующим. Отделенность третьей способности от первых двух вполне очевидна.

Если всерьез говорить об эстетических основаниях кантовского философского здания, то следует определить то, каким образом обнаруживаются следы чувства удовольствия в двух других познавательных способностях – теоретической и практической.

Проблема заключается в том, что если эмпирическое соединение между пониманием (или волей) и чувством вполне можно себе представить, то априорный аспект этой связи выявить очень сложно. То, что без удовольствия нет познания, а удовольствие немислимо без желания – лежит на поверхности. Но каким образом данные связи можно представить систематически? Кант прекрасно осознает эту проблему: "но так как эта связь не основывается ни на каком априорном принципе, то способности души образуют лишь *агрегат*, а не систему" [3. С. 111].

Правда, Кант полагает, что объясняя связь априорного познания свободы, которое дается в форме категорического императива, со способностью желания в качестве определяющего ее основания "удается выявить *a priori* связь между чувством удовольствия и двумя другими способностями" [3. С. 111]. Итак, "мы находим в этом объективном определении (объективное, потому что оно имеет познавательный объект и одновременно требует реализации этого объекта в опыте) и чувство удовольствия, субъективно содержащееся в определении воли" [3. С. 111]. Но Кант подчеркивает, что это удовольствие не предшествует воли: оно либо следует за ней, либо "есть нечто иное, как ощущение этой определенности воли через разум" [3. С. 111]. Следовательно, нового *априорного* принципа здесь зафиксировать не удастся. Таким образом, эстетический аспект также является сопровождающим моментом волевого законодательствующего акта (как в случае с Декартом).

Однако следы принципа удовольствия могут иметь и более глубокий источник. Казалось бы, в познавательной сфере, управляемой категориями, совпадение восприятий с законами не производит какого-то осязаемого чувства удовольствия, потому что рассудок действует необходимым образом – согласно своей природе. Однако "обнаруживаемая совместимость двух или более эмпирических разнородных законов природы под одним охватывающим их принципом есть основание весьма заметного удовольствия, часто и восхищения, даже такого, которое не прекращается, хотя мы уже достаточно знакомы с его предметом" [3. С. 187].

Кант провозглашает наивысшее удовольствие в осознании целесообразности. Эстетический момент

глубоко проникает в учение о целях, то есть телеологию. И уже отсюда воздействие чувства удовольствия на практический разум носит более фундаментальный характер, чем в предыдущем случае: "и восхищение красотой, и умиление перед многообразными целями природы, которые в состоянии чувствовать размышляющая душа еще до ясного представления о разумном творце мира, имеют в себе нечто сходное с религиозным чувством" [3. С. 523] и поэтому "они воздействуют на моральное чувство способом суждения об этом, аналогичным с моральным способом суждения" [3. С. 523]. Специфическое удовольствие, обещанное познанию, которое Кант называет "восхищением", выходит за пределы чисто теоретической сферы, укрепляя моральное чувство и стимулируя практический разум, намекая на конечные цели познания, данные ему для определения воли. В этом случае, осознание свободы неразрывно связано с осознанием удовольствия, содержащимся в границах рефлексивного суждения. Таким образом, эстетический момент провоцирует высшее разумное познание свободы.

Здесь важно отметить, что подобное удовольствие не могло бы сопровождать познание, если бы познание уже не содержало его в зародышевом состоянии. Вот как Кант пишет об этом во "Втором введении" (раздел VI): "Оттого, что мы постигаем природу и единство ее в делении на роды и виды, благодаря чему только и возможны эмпирические понятия, посредством которых мы познаем природу по ее частным законам, мы, правда, уже не испытываем заметного удовольствия, но в свое время оно все же здесь, несомненно, было, и только потому, что без него был бы невозможен самый обыденный опыт, оно постепенно смешалось с самим познанием и уже перестало замечаться отдельно" [3. С. 187]. Кант пытается сказать о существовании примитивного удовольствия, которое генетически связано с познанием. Здесь, правда, немецкий философ говорит о познании с помощью "эмпирических понятий" и "частных законов", а не о познании, применяющем "всеобщие понятия". Однако эти два вида познания достаточно трудно отделить друг от друга. В ряде случаев они просто очень тесно взаимодействуют, и между ними существует аналогия. Ясно одно: Кант вполне отчетливо видит генетическую связь эстетического и познавательного аспекта.

Генетическая связь удовольствия и познания прослеживается на уровне мимесиса. Именно Аристотель, утверждавший, что подражание принадлежит самой сущности человека, выделяет в "Поэтике" тот уровень на, котором успешно объединяются познание и удовольствие. "Ведь подражать присуще людям с детства: люди ведь тем и отличаются от остальных существ, что склоннее всех к подражанию, и даже первые познания приобретают путем подражания, и результаты подражания всем доставляют удовольствие" [1. С. 648]. Тем не менее, подход Канта к проблеме связи удовольствия и позна-

ния отличается от аристотелевского. У Канта единство удовольствия и познания включено в пространство некоторой бессознательной древности, которая исключена из жизни бодрствующего сознания.

От этого аспекта вполне можно перейти и к априорному уровню рассмотрения проблемы. Разнородность, гетерогенность и проблематичный характер целевого единства и есть та априорность, которая отлична от априорности форм созерцания, понятий или схематизма. Это – супплементарная априорность чувства: самодовлеющее удовольствие от представления общего единства. Без такого априорного чувства мы не могли бы быть субъектами какого-либо опыта вообще. Даже если эстетический принцип – принцип удовольствия – не может быть назван условием возможности познания, поскольку таковым является синопсис созерцания, соединенный с категориальным синтезом, то он безусловно должен быть признан главным *стимулом* для активности познавательного процесса. Причем, этот принцип обнаруживается в самом глубинном и интимном отношении познания к самому себе, саморепрезентации как соединению разнородных представлений. Возможность опыта является хоть и необходимым условием познавательного процесса, но явно недостаточным. Душа должна постоянно приводить себя в состояние движения для того, чтобы осознавать эту возможность. Это движение происходит не в качестве изображения принципов возможного опыта, актуализации априорных форм, а в виде *чувства*. Это движение души и совершается благодаря такому чувству. Эстетический момент актуализирует или стимулирует саму возможность познания. Если "Критика чистого разума" только устанавливает априорные условия возможности опыта и границы их законного использования, то "Критика суждения" снабжает систему двигателем. И этот двигатель – эстетический. Критическая озабоченность первого сочинения Канта, трудившегося над скрупулезным проведением демаркационных линий, вытеснила основной стимул или энергетический исток познавательного акта.

Таким образом, след эстетического удовольствия в способности понимания не просто является эмпирическим, побочным и необязательным осадком, который носит скорее антрополого-психологический характер. Эстетическое удовольствие указывает на предназначение разума и результат познания. Сквозь разрозненные результаты познания разуму суждено вырваться за пределы познания к самодовлеющему удовольствию. Созерцание картины целого выступает в качестве целей разума. Наслаждающийся Перводвигатель-Ум и красота Абсолютного тождества проходят миражом мимо кантовской системы.

Удовольствие, действительно, начинает рассматриваться Кантом как основание разума и познания. И это особенно видно в "трансцендентальном определении" этого чувства. "Дефиниция этого чувства, рассматриваемого вообще, безотносительно к

тому, сопутствует ли оно ощущению [внешнего] чувства, или рефлексии, или определению воли, должна быть трансцендентальной. Она может быть сформулирована так: *удовольствие* есть *состояние* души, в котором представление согласуется с самим собой как основанием [*Grund*] для того, чтобы либо просто сохранить само это состояние [...], либо породить объект удовольствия. Если имеет место первое, то суждение о данном представлении есть эстетическое суждение рефлексии. Если имеет место второе, то это эстетически патологическое или эстетически практическое суждение" [3. С. 135–137]. Здесь явно видно как Кант пытается одновременно сохранить строгое критическое разграничение "способностей" и указать на наиболее сокровенную энергию разума, его стимул, указатель его высшего предназначения. Удовольствие рассматривается как основание [*Grund*] бытия разума.

Таким образом, удовольствие, которое появляется в третьей "Критике" – это не просто третья способность, а, скорее, – активный, действительно единственно мобилизующий принцип, находящийся в самой сердцевине двух способностей – теоретической и практической. Удовольствие является активной формой внутри теоретического разума. Однако, она лишь констатируется как скрытая или утраченная в результате привычных действий протоформа. В практическом разуме эта важнейшая форма также демонстрирует свою активность, но сдерживается и подавляется. Можно говорить о том, что удовольствие носит активный характер как в теоретической, так и в практической сфере, но, в одном случае, эта активность забывается, в другом – сдерживается.

Возникает вопрос: почему столь важный компонент познавательной деятельности требует подавления двумя различными, но параллельными путями? Во-первых, это двойное подавление есть условие, которое делает возможным и необходимым выявление чистого удовольствия как чистого принципа третьей способности, который несет ответственность за поддержание критического разделения двух других способностей. Во-вторых, такая репрессия является необходимой, если актуальна важнейшая критическая предосторожность по поводу непосредственного самоудовлетворения разума и его претензии на достижение "царства Целей". Удовольствие не столько подавляется, сколько не схватывается кантовским разумом. Разум неспособен к самоудовлетворению. Но именно эта неспособность как раз и показывает, что предназначением, целью разума является акт наслаждения, блаженства или радости. Но это состояние внутри критического подхода (в отличии от догматического) трактуется как несовпадение разума с самим собой, его не тождественность. Принцип удовольствия, действительно, становится сердцем философской системы и ее главным организатором. Он объединяет систему и заставляет ее работать. Именно чувство удовольствия позволяет системе нахо-

диться в согласии с собой и той внутренней целесообразностью, которая делает ее подлинной системой. Удовольствие является ценностью высшего предназначения разума. Глубинная структура кантовского разума – это структура отношения к самому себе, которая предполагает как возможность гармонии, так и дисгармонии, разногласия. Разум может в отношении к себе испытывать как чувство удовольствия, так и чувство неудовольствия. Эта амбивалентность делает разум заложником постоянной тревоги. Источником такой тревоги является эстетическое чувство. Эта тревога обусловлена недоступностью удовольствия (забытого или запрещенного) как на уровне принципа, так и на уровне цели.

Все эти мотивы наиболее драматичны были отражены в последней формуле "Критики практического разума". В ней присутствует двойное восхождение всегда обновленного восхищения, что "звездное небо и моральный закон" как "уничтожает мое значение как животной твари, которая снова должна отдать планете ту материю, из которой она возникла" [4, С. 500] так и в то же время "бесконечно возвышает мою ценность как мыслящего существа, через мою личность, в которой моральный закон открывает мне жизнь, независимую от животной природы" [4. С. 500].

Если, как полагает Кант, в незапамятные времена, которые находятся вне времени сознания, удовольствие теснейшим образом связано с познанием, то, значит, невозможно после этого исключать и научное знание из области отношения к красоте, так же как из сферы экономики удовольствия. Удовольствие становится подавленным источником науки.

Таким образом, именно с философии Канта принцип удовольствия, который носит эстетический характер, является фундаментальным стимулом познания и основой систематической целостности философии. Эстетический принцип как энергетический исток познавательного акта указывает на его предназначение и цель.

Однако принцип удовольствия (или как вариант негативного удовольствия в возвышенном) обуславливает не только систематическую целостность философской системы, но и делает возможным осуществление всякого философского критического проекта.

Рефлексивное суждение, рассматриваемое в эстетическом трактате у Канта, является центральным в его критическом проекте, поскольку для критической философии всякая возможность какой бы то ни было философии определена именно рефлексией. Сам критический проект является вещью весьма проблематичной. Этот момент точно подметил Ф. Лиотар: "Читатель Канта не может не удивиться тому, как критический мыслитель вообще может устанавливать условия мышления, которые являются априорными. С помощью каких инструментов он может определить условия законности суждения,

когда он еще не имеет ничего в своем распоряжении? Каким образом он может судить собственно "до" знания того, чем собственно является акт суждения для того, чтобы знать, чем он может быть?" [5. С. 32].

Возникает парадокс любого критического мыслительного акта, который движется от факта к его условиям. Критический мыслитель каким-то образом должен умудриться сформулировать собственные условия суждения "до того, как" он имеет право использовать их при оценке истинности тех же самых условий. Ведь парадокс усугубляется тем, что концептуальное мышление слепо по отношению к своим собственным конститутивным условиям или априори. Оно неспособно представить свои границы в виде объекта познания.

Рефлексивное суждение и в особенности негативное удовольствие чувства возвышенного делают критический проект возможным. Во-первых, рефлексивное суждение является до-концептуальным, обретая характер некой "до-трансцендентальной" логики, которая обуславливает пространство позиционирования всех критических способностей. Во-вторых, связанное с удовольствием/неудовольствием, оно "чувствует" критические априори, не определяя их объективного назначения, и способно судить о степени их законности, не впадая в парадокс, указанный Лиотаром. Именно чувство является существенным моментом для разоблачения априори, конституирующих все концептуальное мышление. Например, чувство возвышенного открывает мышлению границы, к которым оно само остается слепо. Такие границы открывает движение от боли к удовольствию, связанное с попыткой воображения превзойти свои собственные возможности для того, чтобы представить идею целого. В чувстве возвы-

шенного мышление обретает некое свое изначальное состояние, происходит возвращение к истокам.

Лиотар полагает, что в эстетике Кантом создается модель рефлексивной манеры мышления, в соответствии с которой мышление и совершается. Причем эта манера не может быть осознана ни теоретическим, ни практическим разумом. Однако все эти сферы интересов разума и культуры существуют именно за счет нее. Возвещает же наличие такой рефлексивной манеры мышления именно чувство. Дело в том, что значение термина "эстетика" при переходе от Первой критики к Третьей имеет достаточно существенное значение. В Третьей критике чувство удовольствия и неудовольствия происходят не от определенного представления вещи. Эстетическое чувство — это не ощущение, порожденное какой-либо вещью или ее представлением. Эстетическое чувство — это ощущение того, что не может быть представлено или то, что нельзя иметь.

Всякий акт мышления сопровождается чувством, которое возвещает мышлению о его "состоянии". Ведь для мышления быть информированным о своем состоянии — его чувствовать, то есть быть аффицированным, затронутым, взволнованным. В этом заключается важнейшая характеристика рефлексии: ослепляющая непосредственность и полное совпадение того, кто чувствует и того, что стало предметом чувства. Кроме чувства ничто не может информировать мышление о его состоянии, а значит ничто не может обеспечивать рефлексию.

Таким образом, чувство удовольствия является пространством, объединяющим мышление и рефлексивные процедуры, а также определяющим возможность осуществления критического философского проекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристотель. Поэтика. — Собр. соч. в 3-х томах. — Т. 3. — М.: Изд-во "Мысль", 1983. — 892 с.
2. Декарт Р. Рассуждения о методе. — Собр. соч. в 2-х томах. — Т. 1. — М.: Изд-во "Мысль", 1989. — 780 с.
3. Кант И. Критика способности суждения. — Собр. соч. в 6-ти томах. — Т. 5. — М.: Изд-во "Мысль", 1966. — 564 с.
4. Кант И. Критика практического разума. — Собр. соч. в 6-ти томах. — Т. 4. — М.: Изд-во "Мысль", 1966. — 543 с.
5. Lyotard J.-F. Lessons on the Analytic of the Sublime; (Kant's "Critique of Judgment", section 23–29). — Stanford University Press, 1994. — 246 p.